

МОСКВА, ЛИТВА, ОРДА И ПОСЛЕДНИЕ ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛИЯ I

С.В. Полехов

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Российская Федерация
sergey.polekhov@gmail.com*

Цель исследования: Выяснить, почему великому князю владимирскому и московскому Василию I пришлось дважды за последние годы правления составлять завещание и отправлять его на утверждение к своему тестю, великому князю литовскому Витовту, и какую роль в этом сыграл ордынский фактор.

Материалы исследования: Завещания Василия I и других московских Рюриковичей, русские летописи, послания Витовта и сановников Тевтонского ордена.

Результаты и научная новизна: Как выяснили исследователи, причиной составления третьего завещания Василия I между 1423 и 1425 гг., вскоре после второго его завещания, утверждённого гарантом – великим князем литовским Витовтом, стала выдача ханом Улуг Мухаммадом ярлыка на Нижегородское княжение Даниилу Борисовичу, означавшая восстановление Нижегородского княжества, независимого от Москвы. В статье приведены аргументы в пользу того, что Улуг Мухаммад, выдавая ярлык на Нижегородское княжение, действовал самостоятельно: хотя он и был союзником Витовта, эта акция шла вразрез с намерениями великого князя литовского, заинтересованного в переходе московского престола к его малолетнему внуку Василию Васильевичу (в условиях возможных претензий на власть со стороны Юрия Дмитриевича – брата Василия I и союзника Свидригайла, соперника Витовта) и как можно скорейшем утверждении соответствующего завещания Василия I. Несмотря на борьбу за власть в Орде в начале 20-х гг. XV в., Улуг Мухаммад располагал достаточным потенциалом, чтобы в случае необходимости помочь Даниилу Борисовичу реализовать права на Нижний Новгород. Поскольку Витовт не смог обеспечить передачу Василию Васильевичу отцовских владений вместе с Нижним Новгородом, что показало ограниченность его возможностей на ордынском направлении, то для порядка утверждения третьего завещания Василия I был иным, чем у второго: сначала его подписал митрополит Фотий, затем к нему привесили печати Василий I и трое его братьев, и лишь затем оно было скреплено печатью Витовта.

Ключевые слова: Василий I, Витовт, Улуг Мухаммад, Нижегородское княжение, Тевтонский орден, княжеское завещание, духовная грамота, московско-литовские отношения

Для цитирования: Полехов С.В. Москва, Литва, Орда и последние завещания Василия I // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 881–901. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.881-901 EDN: VLDWPV

© Полехов С.В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

MOSCOW, LITHUANIA, THE HORDE AND THE LAST TESTAMENTS OF VASILY I

S.V. Polekhov

*Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
sergey.polekhov@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To ascertain why Grand Prince Vasily I of Vladimir and Moscow had to make his will twice in the last years of his reign and ask his father-in-law, Grand Duke Vytautas of Lithuania, to confirm it, and what the role played by the Golden Horde in these events was.

Research materials: Testaments of Vasily I and other Rurikids of Moscow, Russian chronicles, letters of Vytautas and dignitaries of the Teutonic Order.

Results and novelty of the research: According to the research, the reason for Vasily I drawing up the third testament between 1423 and 1425, shortly after his second testament approved by the guarantor, Grand Duke Vytautas of Lithuania, was the granting of a yarlik by Khan Ulugh Muhammad to Prince Daniil Borisovich that meant the restoration of the Principality of Nizhny Novgorod independent of Moscow. The paper provides arguments that by doing so, Ulugh Muhammad was acting independently. Although he was Vytautas' ally, his action was contrary to the intentions of the Grand Duke of Lithuania who was interested in seeing his underage grandson Vasily Vasil'evich's succession to the throne because Vasily I's brother Yury Dmitrievich, an ally of Vytautas' rival Švitrigaila, could aspire to it. Despite the struggle for power in the Horde in the early 1420s, Ulugh Muhammad seems to have had enough power to help Daniil Borisovich realize his claim to Nizhny Novgorod. Since Vytautas was not able to provide Vasily Vasil'evich with Nizhny Novgorod as a part of Vasily I's possessions, which showed the limits of his possibilities regarding the Horde, the third testament was made in a different way than the second one: at the beginning it was signed by Metropolitan Photios, then sealed by Vasily I and his three brothers, and at the very end by Vytautas.

Keywords: Vasily I, Vytautas, Ulugh Muhammad, Principality of Nizhny Novgorod, Teutonic Order, princely testament, Moscow-Lithuanian relations

For citation: Polekhov S.V. Moscow, Lithuania, the Horde and the last testaments of Vasily I. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 881–901. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.881-901 (In Russian)

Financial Support: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

Памяти Вадима Винцеровича Трепавлова
(1960–2023)

В основе настоящей работы лежат наблюдения автора этих строк над двумя последними завещаниями (по средневековой русской терминологии – духовными, или душевными, грамотами) великого князя владимирского и московского Василия I [23; 24]. Анализ оформления их оригиналов, типологии, расположения и способов прикрепления привешенных к ним печатей великого князя литовского Александра Витовта¹ подтвердили соображения об очередности составления завещаний его московского зятя, высказывавшиеся в литературе начиная с И.Б. Грекова, а недавно подкреплённые новыми аргументами А.А. Горского [7; 4]².

В результате всестороннего комплексного анализа у исследователей сложился консенсус относительно следующей картины событий. К началу марта 1423 г. в Москве было составлено *второе завещание* Василия I, которое митрополит Фотий и дьяк Алексей Стромиллов повезли к Витовту³; по всей видимости, в Москве остался список, сохранившийся до наших дней⁴. Поскольку Средокрестное воскресенье (середина Великого поста) в 1423 г. приходилось на 7 марта, а путь от Москвы до Смоленска, где вскоре произошла встреча Витовта с его дочерью Софьей и внуком Василием [27, с. 167; 28, с. 181–182; 29, с. 245–246; 32, с. 95–96, 262]⁵, занимал не менее 10 дней [15, с. 511], то встреча митрополита и дьяка с Витовтом могла состояться не ранее второй половины марта (даже в том случае, если они встретились с ним не в Смоленске, а проехали какое-то расстояние навстречу ему, когда он направлялся туда из Литовской земли). Эту грамоту утвердили Фотий и Витовт, но не утвердил Василий I⁶. На этом основании уже

¹ Ср. описание печати указанного типа в недавно вышедшем фундаментальном труде о сфрагистике и геральдике Витовта: [72, р. 153–163]. Соображения С.В. Белецкого, который первым правильно атрибутировал печать Витовта при втором завещании Василия I [2], недавно были воспроизведены в книге: [1, с. 137–139, 143]. Вопреки высказанному здесь мнению, хорошо документированные для этого периода взаимоотношения Василия I и Витовта [14] не дают оснований вслед за В.Д. Белецким говорить о вассальной зависимости Московского княжества от Литовского или о его включении в состав владений Витовта.

² К сожалению, работа В.А. Кучкина [20], формально посвящённая хронологии завещаний Василия I, а фактически представляющая собой неумелую и анахроничную попытку отстоять традиционные представления о ней, восходящие к XVIII в., практически не принесла позитивных результатов, которые соответствовали бы современному уровню развития науки (обогатив её лишь отдельными интересными наблюдениями и замечаниями), хотя и дала определённый импульс исследованиям, вызвав появление указанного полемиического отклика – статьи А.А. Горского [4].

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 135, отд. I, рубр. I, № 15; публикация: [12, № 22].

⁴ РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. I, № 16.

⁵ В летописи говорится, что их поездка состоялась «тое же зимы». Зимой на Руси считалось время от 25 декабря по 24 марта [8, с. 11]. Значит, Софья с восьмилетним Василием могли явиться в Смоленск к концу марта – началу апреля (если «тое же зимы» они выехали из Москвы).

⁶ Об этом несомненно свидетельствует размещение подписи Фотия, печати Витовта в правой части листа и отсутствие печати Василия I и всяких следов её прикрепления, хотя для неё оставлено место в левой части листа [24, с. 193–194, 197–199 и илл. 1–2 на вклейке]. Заключение же В.А. Кучкина, будто это завещание великого князя московского и не планировалось скреплять его печатью [20, с. 53], объясняется лишь полным незнанием учёного с практикой оформления документов в литовской великокняжеской канцелярии, где в случае прикрепления к грамоте одной печати было принято привешивать её к

А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров, изучавшие подлинник, справедливо заключили: эту грамоту «рассматривали как своего рода согласованный проект, но по каким-то причинам не утвердили с московской стороны окончательно», поскольку грамоту подтвердили Фотий и Витовт, но не утвердил сам завещатель – Василий I [21, с. 239]. Затем, в промежутке между мартом 1423 г. и 27 февраля 1425 г., была составлена новая версия душевной грамоты – *третье завещание* Василия I⁷. При этом в текст были внесены не только стилистические изменения и правки (которые свидетельствуют о поиске более точных и удачных формулировок), но и содержательные. Важнейшие из них следующие. Более определённо сформулировано благословение Василия Васильевича великим княжением (первоначально Владимирским, а к концу первой четверти XV в. правомерно говорить о нём как о Владимирском и Московском), и подчёркнуто, что Василию I оно досталось от отца. Более осторожно сформулировано распоряжение, касающееся передачи Нижнего Новгорода наследнику московского престола: если во втором завещании Василий I определённо «благословлял» сына Нижним Новгородом, то в третьем он делал это с оговоркой: «оже ми дасть Богъ Новьгородъ Нижнии...» Наконец, среди братьев, которым Василий I «приказывает» своего сына, появился князь Константин Дмитриевич, а из перечня бояр исчез Михаил Фёдорович. Завершается третья грамота строгой санкцией, которой не было в предыдущей версии завещания. Новую грамоту сначала утвердили митрополит Фотий (это произошло ещё в процессе написания чистового экземпляра), великий князь московский и его братья, и лишь затем – великий князь литовский. Время её составления предположительно уточняет И.Г. Пономарёва: в третьем завещании московского князя, в отличие от второго, среди бояр-«послухов» отсутствует Михаил Фёдорович. Его идентификация с Михаилом Фёдоровичем Крюком Фоминским, который в последний раз упоминается 20 января 1424 г. [37, с. 108–110; 39, с. 587], позволила исследовательнице определить *terminus non ante quem* составления новой грамоты. Впрочем, нельзя исключать, что боярин отсутствовал по другой причине, скажем, по болезни.

С точки зрения процедуры утверждения последняя душевная грамота Василия I выбивается из дипломатической практики московских великих князей. До конца первой четверти XV в. они утверждались либо печатью одного лишь завещателя, как первая душевная грамота Ивана Калиты, обе душевные грамоты Ивана Красного, вторая душевная грамота Дмитрия Донского, первая душевная грамота самого Василия I [12, № 1а, 4, 12, 20], либо печатями завещателя и его братьев, как душевная грамота Симеона Гордого [12, № 3], либо печатями завещателя и митрополита, как первая душевная грамота Дмитрия Донского [12, № 8]. Лишь вторая душевная грамота Ивана Калиты была скреплена не только великокняжеской, но и, вероятно, ханской печатью (она была серебряной позолоченной и до настоящего времени не сохранилась, но существовала ещё в XVIII – начале XIX в.) [12, № 16; 18, с. 65; 17, с. 129–132]. Чем же объясняется такая сложная и необычная процедура в случае завещания Василия I? Почему ему пришлось переписывать почти утверждённое завещание? И какую роль в этом сыграли отношения Московского княжества с его соседями – Литвой и Ордой? Поискам ответов на эти вопросы и посвящена настоящая работа.

Ещё А.Е. Пресняков обратил внимание на слова боярина И.Д. Всеволожского, который в Орде, обосновывая претензии Василия II на великое княжение,

середине нижнего края листа [73, с. 173–174, 178], и стремлением во что бы то ни стало подвести аргументацию под заранее заданный тезис.

⁷ РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. I, № 13; публикация: [12, № 21].

ссылался на волю Улуг Мухаммеда [29, с. 249; 31, с. 103; 40, с. 458; 5, с. 137–139]. Вместе с тем, как показывают недавние исследования А.А. Горского, ключевую роль в судьбе последнего завещания Василия I сыграло вокняжение Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде с санкции хана Улуг Мухаммеда: к этому событию относится замечание в жалованной грамоте князя Даниила Нижегородскому Благовещенскому монастырю о том, что он «вышел на свою отчину от Махметя царя в другой ряд» [6, с. 62, 66, прим. 269; 4, с. 31–32]. Под именем «Махметя царя», к которому ездил Даниил Борисович, русским источникам известен не кто иной, как Улуг Мухаммед [5, с. 145]. Следует иметь в виду, что Василий I боролся за включение Нижнего Новгорода и тянущих к нему земель в состав своих владений практически с начала правления, время от времени сталкиваясь с восстановлением самостоятельного Нижегородского (или Суздальско-Нижегородского) княжения местной ветви Рюриковичей, представители которой не раз выступали в союзе с Ордой, кочевья которой соседствовали с нижегородскими землями, располагаясь ниже по течению Волги. Политический инструментарий, к которому прибегал Василий I для достижения своих целей, был достаточно широким – от отправки ратей против нижегородских князей до династических браков, выделения владений князьям (как московского, так и суздальского дома), раздачи сёл и привилегий светским и духовным землевладельцам или подтверждения прав на них, смены юрисдикции монастырей [54; 53; см. также: 6, с. 46–66; 48, с. 187–192]. К началу 20-х гг. московские князья более десяти лет вели напряжённую борьбу за Нижний Новгород с князем Даниилом Борисовичем, который вокняжился там между концом 1408 и 1410 г., а в 1415 г. перед лицом приближающегося войска во главе с Юрием Дмитриевичем, братом Василия I, бежал в Орду. В 1417 г. Даниил явился в Москву, а попытки решить «нижегородскую проблему» в последующие годы были отмечены пребыванием в Нижнем Новгороде князя Константина Дмитриевича (ещё одного брата Василия I) в 1418 г. и передачей после этого тамошнего стола суздальскому князю Александру Ивановичу, женившемуся на Василисе, дочери великого князя московского. Впрочем, спустя несколько лет Александр скончался, и уже 20 февраля 1423 г. нижегородскими землями вновь распорядился Василий I [6, с. 62; 55, с. 342–349; 47, с. 283], что отразилось и в его втором завещании. Однако уже в 1424 г. мы опять видим на нижегородском княжении Даниила Борисовича, который именуется великим князем и в этом качестве подтверждает недавнее пожалование Василия I нижегородскому Благовещенскому монастырю [6, с. 62–66; 4, с. 31–32]⁸. По мнению А.А. Горского, «платой за поддержку прав будущего Василия II на престол и могла стать уступка Нижнего Новгорода Даниилу Борисовичу», которую Улуг Мухаммед мог санкционировать прямо в Великом княжестве Литовском, во время встречи Софьи и Василия Васильевича с Витовтом, по указанию или с ведома последнего [6, с. 62–67; 4, с. 22, 33]. А.А. Горский ссылается на то, что Даниил Борисович был по матери внуком Ольгерда, т.е. двоюродным племянником Витовта. Однако с 80-х гг. XIV в. отношения между Ольгердовичами и Кейстутовичами были далеко не самыми дружественными, иногда переходя в открытую вражду: можно вспомнить ликвидацию Витовтом крупнейших удельных княжений в ВКЛ или его неприязненные отношения со Свид-

⁸ О локализации этого пожалования см.: [19, с. 223] (в этой полемической статье, впервые опубликованной в 1968 г., приводится датировка грамоты Даниила Борисовича 1442 г., бытовавшая до обнаружения ряда новых источников в недавние годы). Интерпретация грамот, которыми было оформлено это пожалование, в позднейшей статье того же автора [20, с. 45], носит ярко выраженный характер *ad hoc*, «под тезис».

ригайлом, которого несколько раз спасало лишь заступничество Ягайла [70]. О контактах Витовта с нижегородскими князьями нет никаких сведений.

Если принять логику А.А. Горского, то возникает вопрос: зачем Витовту понадобилось одновременно утверждать завещание Василия I и пересматривать его условия, тем самым ставя под угрозу его реализацию (что было бы, если бы Василий не успел пересмотреть условия своего завещания, а Витовт – утвердить новый его вариант)? И почему ни митрополит Фотий, ни искушённый в канцелярских тонкостях Алексей Стромиллов, ни Софья Витовтовна не подготовили уточнённый вариант душевной грамоты Василия I во время встречи с Витовтом? Этот вопрос тем более актуален, если иметь в виду, сколь принципиальное значение имел для Витовта переход престола к Василию Васильевичу. Об этом свидетельствует тот факт, что ради встречи в Смоленске с дочерью и митрополитом Фотием он отказался от поездки в Кезмарк (ныне – г. Кежмарок в Словакии), где 30 марта 1423 г. был утверждён договор об урегулировании отношений с римским и венгерским королём Сигизмундом Люксембургским. Вместе с польским королём Владиславом Ягайлом и его сановниками на этот съезд отправились советники великого князя литовского [71, s. 81].

Заинтересованность Витовта в скорейшем утверждении завещания его зятя понятна: Василий Васильевич приходился внуком литовскому правителю, а его малолетство открывало перед Витовтом перспективы упрочения и расширения его позиций на русских землях, соседствовавших с Великим княжеством Литовским, а следовательно, и своей власти на его территории. Но есть ещё один аспект, который нельзя упускать из виду. Претензии Юрия Дмитриевича на московский престол угрожали положению самого Витовта внутри Великого княжества Литовского. Если Василий II приходился Витовту внуком, то Юрий Дмитриевич был свояком Свидригайла Ольгердовича, что дало о себе знать во время династических войн в Литовском и Московском государствах в первой половине 30-х гг. XV в. [22]. С конца XIV в. Свидригайло несколько раз выступал против Витовта, то примиряясь с ним, то вновь нарушая данные обещания. И хотя последнее такое примирение было достигнуто в августе 1420 г., никто не мог быть уверен в том, что младший Ольгердович останется верным присяге.

В свою очередь, заинтересованность Василия I в скорейшем утверждении последней воли объяснялась тем, что его здоровье ухудшалось. Об этом свидетельствует следующий факт. Несмотря на московско-литовское сближение, происходившее с 1418–1419 гг.⁹, интенсивный обмен посольствами и участие московского войска в войне Польши и Литвы с Тевтонским орденом в 1422 г. [14, с. 84–85]¹⁰, после которой в Москву отправилась княгиня Анастасия, дочь Васи-

⁹ Автор специального исследования о московско-литовских взаимоотношениях в 20-е годы XV в. Д.И. Иванов относил начало потепления в этих отношениях примерно к 1420 г. [14, с. 81–83]. Между тем ряд источников свидетельствует, что оно началось раньше – в конце 1418 – начале 1419 г. Этот вопрос я рассмотрю в отдельной работе.

¹⁰ Об участии в походе Ягайла и Витовта в Пруссию московских войск сообщает послание комтура Рейна великому магистру 1422 г., которое я ранее ошибочно относил к 1414 г. [60], тверских – Тверской сборник [26, с. 488], тверских и московских – Псковская II летопись [41, с. 39]. По этой причине в ряде летописных сводов читается известие об этом походе: «Того же лѣта король Ягайло да Витовтъ ходили къ Марьиноу городуу Нѣмецкыи земли воевати» [35, с. 142; 25, с. 262; 27, с. 166; 30, с. 182; 31, с. 100, 268, 342]. Эти сведения не совсем точны: даже если отряды союзников и доходили до Мариенбурга, его осада не входила в планы польско-литовского командования, боевые действия разворачивались южнее [56, s. 141–155; 59, S. 621–622]. В поздней Устюжской лето-

лия I и супруга князя Олельки Владимировича, завещание Василия I к Витовту повёз не сам он, а митрополит Фотий и дьяк Алексей Стромиллов, тогда как великий князь московский направился в Коломну [29, с. 245, 246]. Трудно объяснить отказ московского правителя от встречи с собственным тестем, отношения с которым в это время были далеки от конфликтных, для утверждения собственного завещания, иными причинами, нежели состояние здоровья Василия I¹¹. Это заставляет думать, что московский князь приступил к оформлению завещания, не дожидаясь ханского ярлыка. Василий спешил передать престол сыну, которому тогда исполнилось лишь 7 лет.

Обратимся к другой части тезиса А.А. Горского – о том, что в момент выдачи ярлыка на Нижегородское княжение Улуг Мухаммед находился где-то во владениях Витовта. В этой связи правомерно задать двумя вопросами:

1. В какой момент своей борьбы за власть в Орде Улуг Мухаммед выдал Даниилу Борисовичу ярлык на Нижегородское княжение?

2. Как складывалась для Улуг Мухаммеда эта борьба?

Ответ на первый из этих вопросов следует из вышеприведённых соображений: Улуг Мухаммед выдал Даниилу Борисовичу ярлык на Нижегородское княжение не ранее марта 1423 г. Мог ли он в это время находиться у Витовта и, соответственно, мог ли этот шаг быть согласован с великим князем литовским или санкционирован им?

Вопрос о борьбе за власть в Орде в первой половине 20-х гг. XV в. является сложным и запутанным, поскольку введение в научный оборот новых источников и реинтерпретация уже известных ведут к пересмотру картины событий, утвердившейся в литературе [44, с. 194–199]. Одна из сложностей, как недавно отметил Р.Ю. Рева, состоит в том, что мусульманское имя Мухаммад носили пять участников борьбы за ханский престол: «Шибанид Хаджи Мухаммад; Тукатимуриды – Мухаммад-Барак, Улу-Мухаммад, Кучик-Мухаммад сын Токтамыша и Кучук-Мухаммад сын Тимура» [43, с. 80]. Оспаривая правомерность традиционного отождествления всех Мухаммедов, упоминаемых в источниках, с Улуг Мухаммедом, исследователь пишет: «Самым вероятным является то, что одновременно в разных частях государства воцарились несколько ханов с именем Мухаммад. Дело в том, что к этому моменту сложились несколько лагерей непримиримых соперников, которые ни при каких обстоятельствах не поддержали бы воцарение ханов, принадлежащих другой группировке, и попытались бы интронизировать собственных ставленников. Вероятнее всего, потомки Идигея сделали ханом Хаджи-Мухаммада, а в войске противников ханом стал Кучук-Мухаммад сын Токтамыша. Кто из них является «Мухаммад-ханом» 822–826 г. х. и не слились ли под одним именем сведения о деятельности двух персонажей, ещё предстоит выяснить будущим исследователям» [43, с. 90]. Р.Ю. Рева склоняется к мысли о том, что Мухаммед, побеждённый Барак-ханом не позже лета 1423 г., – это Хаджи-Мухаммед¹², который, по-видимому, был при этом

писи эти сведения отразились и вовсе в искажённом виде: сказано, будто Ягайло и Витовт взяли Мариенбург [34, с. 40, 83].

¹¹ В источнике, который остался вне поля зрения Д.И. Иванова, – послании комтура Дюнабурга ливонскому магистру Ордена от 2 января 1422 г. о недавнем посольстве его слуги в Литву – передаются ходившие там разговоры о намерении Витовта и Ягайла тайно провести съезд с московским князем [67, № 2576, Sp. 789–791]. Но состоялся ли этот съезд, неизвестно.

¹² Таким же образом трактуется это известие (впрочем, без специальной аргументации) и в работе: [36, с. 161, прим. 7].

убит, тогда как Улуг Мухаммед занял крымский престол лишь в 1424 г. при поддержке Витовта [43, с. 92–93; ср.: 42, с. 716–719].

Всестороннее рассмотрение этого вопроса с привлечением нумизматических источников, на которые во многом опирается Р.Ю. Рева (при известных сложностях их интерпретации, отмеченных им самим), увело бы слишком далеко от темы настоящей работы. Я сосредоточусь на письменных источниках, уделяя особое внимание тем из них, которые касаются взаимоотношений с татарами Гедиминовичей – правителей Польши и Литвы, тем более что их известия практически не задействованы в работах по истории Орды. Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем они будут использованы историками Орды для комплексной реконструкции её политической истории в начале 20-х гг. XV в.

Начнём, однако, с источников хорошо известных. 14 марта 1428 г. Улуг Мухаммед писал Мураду II, вспоминая историю взаимоотношений своих предков с предками этого султана: «Затем, когда всевышний милостью своей вверил высокое место наших прежних братьев-ханов нам, между нами... торе¹³, вспыхнула вражда, и в последующее время события развивались так, что престол достался Бараку» [49, с. 54]. Итак, к моменту разгрома Бараком в первой половине – середине 1423 г. (о чём речь пойдёт ниже) Улуг Мухаммед некоторое время занимал ханский престол.

Сохранился целый ряд свидетельств об участии татар в уже упоминавшейся войне Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом 1422 г. Ещё до начала военных действий, 26 апреля этого года, комтур Торна писал великому магистру со ссылкой на информатора, недавно побывавшего в Польше, что татары собираются в поход, и если они отправятся не в Чехию, то наиболее вероятная цель этого похода – Пруссия; после этого сообщения сановник советовал главе Ордена отправить послов в Литву и разузнать, как обстоят дела¹⁴. К этому времени Витовт то ли собирался отправить, то ли уже отправил каких-то татар на помощь Сигизмунду Корибутовичу в Чехию: об этом римский и венгерский король Сигизмунд Люксембургский писал дерптскому епископу 1 мая 1422 г.¹⁵ Впрочем, не исключено, что в этом случае речь шла о татарах, проживавших на территории Великого княжества Литовского. Как бы то ни было, татарские войска приняли участие в войне с Тевтонским орденом, начавшейся в конце июня того же года, и пришли они именно из Орды. 5 августа 1422 г. фогт Диршау писал верховному маршалу Ордена из г. Лобау (ныне – соответственно г. Тчев Поморского воеводства и г. Любава Мазурско-Варминского воеводства Польши). По его словам, в прошедшую субботу, т.е. 1 августа, войска Витовта и Ягайла осадили его замок, перекрыли воду и ведут обстрел, но ущерба замку пока не причинили. За прошедшее время осаждённым удалось взять в плен одного из осаждавших, который рассказал о состоянии войск Гедиминовичей, а также сообщил, что «в прошедшую субботу на помощь Витовту

¹³ Согласно примечанию Т.И. Султанова, «торе – термин рассматриваемого периода, употреблявшийся для обозначения нецарствовавших ханских потомков» [49, с. 56]. Многоточием отмечен опущенный мною номер строки, указанный в данной публикации.

¹⁴ «...ist uns wol worhaftig gesaget, das herzog Wytowt sich stark besammelt unde der Tatern itczunt faste czu felde legen, und wer is, das sy nicht worden volczihen ken Beheem, so wolden sy dessem lande czu, so dewchte uns wol, genediger meyster, das ir boten ken Litawen sendit unde eyn solchs eygentlichen czu dirfaren...» (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin), Ordensbriefarchiv (GStAPK, OBA) 3712; краткое содержание: [57, № 1000]).

¹⁵ В разных списках послания употреблены разные формы глагола – «destinat» («отправляет») и «destinavit» («отправил») [65, № 56, S. 99 (417); 67, № 2594, Sp. 815; 57, № 1001, p. 549–550].

в эту землю прибыл татарский хан с изрядным войском и находится при нём»¹⁶. Это известие поясняет пассаж Длугоша, который после рассказа о заключении «вечного мира» с Орденом и роспуске войск союзников упоминает о татарах, которые напали на последние отряды поляков (*in extrema agmina Polonorum*) и за это были ими атакованы и убиты [58, р. 183]. Место этого рассказа в труде краковско-го каноника показывает, что описанные им столкновения произошли там, где растались союзники, в Пруссии или по пути оттуда. Несомненно, часть татар, помогавших Гедиминовичам в Пруссии, попала в плен: ещё в августе 1425 г. Витовт добивался от великого магистра возвращения двух татар, Манурека и Семёна (?), содержащихся в плену у данцигского бюргера¹⁷.

Кем же был хан, явившийся в Пруссию? Понятно, что им не мог быть ни Худайдат, в те же самые дни разбитый Бараком¹⁸, ни сам Барак. Ещё один Чингисид, Девлет-Берди, впоследствии упоминаемый как союзник Витовта [33, с. 59, 76; ср.: 57, № 1223], в это время, скорее всего, был в Крыму, где утверждал свою власть [36, с. 174–176; 10, с. 153–154], – ситуация, мало подходящая для далёкого похода. Остаётся Улуг Мухаммед, позднее также известный в качестве союзника великого князя литовского. Судя по наличию в Орде как минимум четырёх ханов-соперников, обстановка там в это время была подобна той, о которой Витовт писал великому магистру Ордена 1 января 1425 г., когда шесть ханов, «возведённых [на престол]», боролись за власть над всей Ордой¹⁹.

Второе свидетельство, способное пролить новый свет на расстановку сил в Орде, содержится в послании верховного маршала Ордена Людвиг фон Ландзее венгерскому и римскому королю Сигизмунду Люксембургскому от 28 января 1423 г. [74, № 47]. Ландзее в это время находился во Вроцлаве (Бреслау), а король – в Пресбурге (Пожонь, ныне – Братислава) и других населённых пунктах, ныне расположенных в северо-западной Словакии [62, S. 106; 63, р. 112–113]. Список этого послания Ландзее незамедлительно, уже на следующий день после его отправки, отослал великому магистру Ордена Паулю фон Русдорфу, благодаря чему оно и дошло до наших дней. Содержание же его сводилось к следующему. Во Вроцлаве некий доброжелатель Ордена сообщил верховному маршалу, что Витовт и Ягайло намерены вскоре отправить послов на съезд с «многими языческими племенами» «в татарском Поле, расположенном между Татарией и Русью», и со-

¹⁶ «Ouch sal wissen euwir ersamkeit, das am sonnabend nehest vorgangen ist komet der Tatherische keyser mit eynem suberlichen hufen folkes Wytoud zcu holfte uf dys land, und ist bey im, und das hot uns der gefangene bekant, das ys also sey» (GStAPK, OBA 3858).

¹⁷ «Anno 25 montag nach Bartolomei aus Novogrotken Wytoldt schreibett an hoem[eister], das ehr mit allen vleiß trachte und spere auf die gefangnen, das ehr die dem hoem[eister] wider zuschicke; bitt der hoem[eister] wol dergleichen auch thun, doch wer ehr vorstendiget, das 2 Tattharn, Manurek und Simen, bei einem burger zu Danczke sindt, das im der hoem[eister] auch widerumb zuschicken wolde» (Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius (Vilnius) (LMAVB RS), F 15–73, р. 210).

¹⁸ Даже с учётом того, что, как установил Р.А. Беспалов, известие о приходе Барака на Одоев в 1422 г. дублирует известие о приходе туда Худайдата 1424 г. [3], не вызывает сомнений предшествующее ему сообщение – о том, что «царь Баракъ поби Куидодата» [28, с. 181–182; 29, с. 245; 32, с. 95–96, 261].

¹⁹ «...das keiserthum in Tatharn in im selbir groslich geczwehit und geteilt ist, also, das itczundt sechs dirhaben keiser do sint, der iclicher umb das kaiserthum steet und arbet» [57, № 1181]. В переводе, предложенном ранее [3, с. 207], не было адекватно отражено значение слова «dirhaben», которое в данном случае означает «возведённых [на царство]» (ср. современный немецкий глагол «erheben»). Очевидно, подразумевалось, что каждый из претендентов на власть над всей Ордой уже признаётся «царём» («императором») в какой-то из её частей.

бираются летом следующего, 1424 года напасть на Пруссию и Силезию, причём в Силезии Гедиминовичи планируют действовать совместно с гуситами, а к нападению на римского короля рассчитывают склонить турок. Последнее должно было удержать Сигизмунда от помощи Ордену в случае новой его войны с Польшей и Литвой. В конце письма орденский сановник настоятельно советовал королю добиться заключения «вечного прочного мира» между государствами Гедиминовичей и Орденom. В записке, приложенной к письму, Ландзее добавлял, что Витовт и Ягайло намерены добиваться заключения трёхлетнего перемирия между татарами и турками. С этой целью оба правителя отправили к ним представительные посольства: так, Витовта в них представляет его русский писец, и оба Гедиминовича уже располагают полномочием хана на заключение такого перемирия с султаном. Даже если султан не согласится на такое перемирие, писал Ландзее, великий князь литовский сделает всё возможное, чтобы турки напали на римского короля, пока Гедиминовичи будут воевать в Пруссии и Силезии.

Для оценки приведенной информации необходимо иметь в виду, что 27 сентября 1422 г. (после войны, о которой речь шла выше) представители Польши, ВКЛ и Ордена лишь договорились о заключении «вечного мира» и согласовали его условия. Предстояла его ратификация, то есть обмен грамотами сторон с печатями их многочисленных представителей. Руководство Ордена, изнурённого войной, как никогда нуждалось в «вечном мире», но стремилось добиться пересмотра предварительно согласованных условий при участии Сигизмунда Люксембургского. Тот, в свою очередь, угрожал новой войной Ягайлу и Витовту, чтобы отвлечь их внимание от поддержки гуситов, низложивших его с чешского престола, и пытался втянуть Орден в этот план обещаниями обширных территориальных приращений за счёт Польского и Литовского государств. Людвиг фон Ландзее своим письмом пытался убедить Сигизмунда Люксембургского в необходимости поддерживать Орден [69, S. 62–78, особенно с. 70]²⁰: ведь в противном случае от рук неверных пострадает не только Орден, но и владения Сигизмунда.

Судя по подробностям, сообщаемым в письме, за ними стоял некий реальный источник. Коль скоро во Вроцлаве о намерениях Гедиминовичей было известно уже к концу января 1423 г., отправка посольств предшествовала этой дате. Вместе с тем наиболее вероятно, что Витовт и Ягайло договорились о посольствах уже после того, как была достигнута договорённость о заключении «вечного мира» с Орденom. Наиболее вероятно, что это произошло в конце декабря 1422 г., когда Ягайло по заведённому обычаю на Рождество Христово гостил в Литве у двоюродного брата [61, s. 98]. Из сведений, сообщённых орденским сановником, можно заключить, что хан, на чью помощь возлагали надежды Витовт и Ягайло, к этому времени уже некоторое время был их союзником. Стало быть, скорее всего, речь шла о том же самом хане, который приходил на помощь к правителям Польши и Литвы несколькими месяцами ранее²¹.

²⁰ Следует отметить, что надежды орденского руководства на римского короля не оправдались: согласно Кезмаркскому договору 1423 г., о котором уже говорилось выше, Сигизмунд признавал Мельненский мир Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом, а правители этих государств обещали отказаться от сотрудничества с гуситами и помочь восстановлению власти Сигизмунда в Чехии.

²¹ По мнению Г. Агоштона и И.В. Зайцева, упоминание миссии Йозы Турка (Iosa Turcus) от Сигизмунда Люксембургского в его жалованной грамоте от 6 февраля 1428 г. к «принцу Магомету, господину татар Орды», увенчавшейся договорённостью о выступлении против турок, касается поездки к Улуг Мухаммеду между 1421 и 1423 гг. и объясняет происхождение послания Улуг Мухаммеда Мураду II от 14 марта 1428 г.: «Письмо Улуг Мухаммеда выглядит как первое официальное послание, призванное восстановить дип-

Можно заключить, что вскоре после войны 1422 г. он удалился в Орду²².

Однако вскоре после описываемых событий ситуация изменилась. Уже во время «летовки» 1423 г., по сообщению Абд-ар-Раззака Самарканди, из Хорезма к Шахруху прибыл нукер его наместника, эмира Шахмелика, и сообщил, что «Барак-оглан захватил орду Мухаммад-хана и утвердил в тех краях свою власть; большая часть улуса Узбекского подчинилась и покорилась ему» [46, с. 196; 49, с. 58]²³. Если принимать точку зрения Т.И. Султанова, который датировал прибытие к Шахруху весной 1423 г., то победу Барака следовало бы относить к началу 1423 г. Но, возможно, она была одержана примерно в апреле или начале мая, поскольку под 17 мая в массарии Каффы отмечена выплата двум татарам – послам солхатских беев, которые «сочли нужным оповестить консула с нарочным о каких-то событиях в чужой орде» [36, с. 177, прим. 38; 10, с. 156–159]. Поскольку в сообщении Абд-ар-Раззака Самарканди говорится лишь об Узбекском улусе (землях к востоку от Волги), и то не обо всём, но о большей его части, то не исключено, что и после этого Улуг Мухаммед некоторое время оставался в Дешт-и Кипчаке и сохранял за собой какую-то власть. По сведениям другого хрониста, каирского современника событий Бедреддина Элайни, в 826 г. х. (15 декабря 1422 г. – 4 декабря 1423 г.) «государем земель Дештских, столица которых Сарай, был султан Мухаммедхан, из рода Чингисхана» [45, с. 533; ср.: 44, с. 198]. Конечно, потерпев поражение от Барака, Улуг Мухаммед мог бежать к Витовту. Но борьба Улуг Мухаммеда за власть в Орде продолжалась и в 1423, и в 1424 гг. Скорее всего, именно он в конце 1423 г. контактировал с Крымским улусом, над которым пытался установить контроль, и Каффой [10, с. 158–166]. Широко известно послание Витовта верховному магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу от 22 июня 1424 г., в котором он сообщал, что его друг «татарский хан Махмет» взял полную власть в Орде [57, № 1159]²⁴. Впрочем, как уже говорилось, всего спустя всего полгода Витовт писал о новом витке борьбы за верховную власть среди Чингисидов [57, № 1181].

Таким образом, имеются серьёзные основания полагать, что, хотя трон под Улуг Мухаммедом и шатался, он и во второй половине 1422-го, и в 1423 г. со-

ломатические отношения после длительного перерыва. Причину этого разрыва следует, видимо, искать в возобновлении союза Тохтамыш с Тимуром в самом начале XV в.» [13, с. 49–54]. Впрочем, в этой идентификации нет уверенности [11, с. 203–204].

²² По мнению А.А. Горского, пребыванием Улуг Мухаммеда у Витовта наиболее логично объясняется набег его соперника Барака на Одоев осенью 1422 г. [5, с. 137–138]. Однако уже после выхода в свет книги А.А. Горского Р.А. Беспалов в специальной работе привёл аргументы в пользу того, что в данном случае в ряде летописей было продублировано известие о набеге на Одоев другого хана – Худайдата, слившееся с сообщением о его разгроме Бараком в сражении, состоявшемся, вероятно, как раз осенью 1422 г. [3].

²³ Цитата и датировка приводятся по работе Т.И. Султанова, с учётом того, что он опирался на рукопись «Зубдат ат-таварих, Хафиз-и Абру» из Оксфорда, недоступную при подготовке указанного тома сборника источников по истории Орды [49, с. 55, прим. 2; с. 58, прим. 22; 46, с. 104].

²⁴ В этой связи следует обратить внимание на хронологически приуроченное известие из летописной «Похвалы Витовта»: «Сему царю Давлади-Бердию немного время побывшю, и тому мимо шедшю, симь же старейшинамь ордынскимь слышавшим, яко славный господарь близ есть Киева, и придоша сами, и поклонилася славному господарю великому князю Витовту, и дары многи принесоша, и просят у него царя, онь же даль имь иного царя именовемь Магмета» (цит. по Слуцкой летописи: [33, с. 76]; пунктуация незначительно изменена). Именно в июле–сентябре 1424 г. Витовт побывал на Волыни и Подолье [71, с. 83].

хранял военный потенциал и какую-то власть в Орде, где и находился, более того, участвовал в борьбе за Крымский улус. Кроме того, если принять предположение А.А. Горского о поездке Даниила Борисовича к Улуг Мухаммеду в Литву, а не в Орду, то остаётся непонятным, какой смысл имело обращение этого князя к хану, лишённому фактической власти в степи; на что мог рассчитывать этот князь, если Витовт только что санкционировал переход и великого княжения, и Нижнего Новгорода после смерти Василия I к его сыну; и почему великий князь литовский фактически согласился на восстановление Нижегородского княжества нашедшим у него прибежище ханом, тем самым ставя под угрозу реализацию завещания Василия I, которое сам же только что одобрил.

Всё встаёт на свои места, если исходить из того, что русские князья ездили к Улуг Мухаммеду уже после того, как Витовт утвердил второе завещание Василия I, а хан, хотя и являлся союзником великого князя литовского, проявил самостоятельность в вопросе о судьбе Нижнего Новгорода. В таком случае вырисовывается следующая картина событий. Сначала Василий I обратился к Витовту, зная о его весе в восточноевропейской политике в целом и о влиянии на ордынские дела (или во всяком случае попытках оказывать такое влияние) в частности, и лишь затем, после утверждения второго завещания, решил получить ханскую санкцию²⁵. Когда же он обратился за ярлыком к Улуг Мухаммеду, выяснилось, что тот решил восстановить Нижегородское княжество (что, по-видимому, сопровождалось обращением к хану Даниила Борисовича). Тогда-то и понадобилось редактировать и заново утверждать завещание. Это предопределило изменения в тексте душевной грамоты: с одной стороны, были высказаны сомнения в будущей принадлежности Нижнего Новгорода Василию II; с другой стороны, более определённо говорилось о воле Василия I в отношении Московского великого княжества, её нарушение обставлялось более серьёзными санкциями, был расширен и круг родственников Василия I – гарантов его завещания: в их число был включён Константин Дмитриевич, с которым Василий совсем недавно враждовал. К сожалению, ни итинерарий Витовта за этот период, ни сведения, которые можно отнести к Улуг Мухаммеду, не позволяют дополнительно уточнить хронологию этих событий. Летом и осенью 1424 г. Витовт объезжал юг Великого княжества Литовского, но известны как минимум два случая, когда послы Пскова при настоятельной необходимости являлись к нему туда – оба раза в Кременец на Вольни, в 1421 и 1424 гг. [16, с. 79; 41, с. 39–40; 71, с. 77, 83]. Как свидетельствует пример уже упоминавшегося Кезмарского договора, польско-литовский экземпляр которого сохранился в подлиннике в Венском архиве, для привешивания печати великого князя к документу его присутствие не было обязательным. Впрочем, манера прикрепления печати в обоих случаях свидетельствует о том, что делалось это сотрудниками литовской великокняжеской канцелярии, а прежде чем утвердить завещание зятя, Витовт должен был ознакомиться с его содержанием. Из рассказов об отражении набега Худайдата в конце 1424 г. можно лишь заключить, что между Витовтом и Василием I в этот период поддерживались контакты [30, с. 182–183; 31, с. 100].

Как бы ни датировать составление и утверждение последнего завещания Василия I, можно констатировать следующее. Ханский ярлык на Нижегородское княжение показал Василию I, сколь ненадёжно полагаться на правителей соседних государств в стремлении обеспечить престол Василию Васильевичу. Все

²⁵ И.Б. Греков объяснял обращение Василия I к Витовту тем, что на Волге в начале 20-х годов господствовали противники этих великих князей – ханы Худайдат и Барак [7, с. 143–144].

они, хотя и санкционировали передачу великого княжения Василию Васильевичу, не были заинтересованы в чрезмерном усилении Москвы. В восстановлении Улуг Мухаммедом Нижегородского княжества ярко проявилась политика Орды по отношению к восточноевропейским государствам, целью которой было не допустить чрезмерного их усиления, – политика, которую ордынские ханы старались проводить и впоследствии, несмотря на все неурядицы в своих владениях [50]. В данном случае объектом ордынской политики стало соседнее с ордынскими кочевьями Нижегородское княжество, правители которого, в том числе Даниил Борисович, сохраняли тесные связи с ней (о чём говорит его участие в совместных военных акциях 1410–1411 гг., обращение за ярлыками и бегство в Орду в 1415 г.). В свою очередь, возможность Витовта как гаранта, вопреки средневековым панегиристам и некоторым современным историкам [например: 36, с. 183; 20, с. 53], ограничивались объективными факторами – скоростью коммуникации и особенностями военной логистики. Как свидетельствует его итинерарий, большую часть времени он проводил вдали от границы своих владений с Великим княжеством Московским, в «Литовской земле». И он, и последующие литовские правители рассматривали эту часть ВКЛ как «самые дальние русские земли» государства²⁶, а поездки туда были редкими и планировались заранее, не говоря уже о таком масштабном мероприятии, как сбор сил для военного похода [71]. Поэтому в случае вспышки династической борьбы между московскими Рюриковичами Витовт не мог немедленно отреагировать на неё. И сам великий князь литовский, и его современники хорошо понимали, что масштабные успехи требуют затрат больших ресурсов и благоприятного стечения обстоятельств. Далеко не безграничны были и возможности Витовта повлиять на ситуацию в Орде. В этих обстоятельствах Василию I следовало заручиться поддержкой членов собственного княжеского дома. Об этом говорит и появление Константина Дмитриевича среди гарантов завещания, и снабжение грамоты печатями братьев Василия I (на предыдущей душевной грамоте для их печатей просто не было предусмотрено места), и ещё одно немаловажное обстоятельство. Как свидетельствует способ прикрепления печатей к последнему завещанию московского князя, сначала его удостоверил Фотий, затем – Василий I и его братья, и лишь после этого – Витовт, хотя для его печати и было оставлено почётное второе место.

Соображения, которыми руководствовались Василий I и его окружение в последние годы его княжения, полностью оправдались после его смерти. Когда Юрий Дмитриевич отказался подчиниться Василию II, на него воздействовали Фотий (уговорами) и дядя Василия (демонстрацией военной силы), тогда как с Витовтом были проведены консультации [38, с. 173–175], что в дальнейшем не помешало ему воспользоваться малолетством Василия II и другими обстоятельствами, которые благоприятствовали усилению позиций великого князя литовского на землях Руси, соседствовавших с его владениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белецкий В.Д., Белецкий С.В. «Архив» актовых печатей из раскопок в Довмонтовом городе Пскова. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2022. 468, [1] с.

²⁶ Так их определял сам Витовт в знаменитом послании великому магистру Ордена 1427 г.: «*unser Ruisische weitiste lande*» [57, № 1298, р. 778]. Аналогично в документе великого князя литовского Александра от 10 апреля 1499 г. Смоленская земля охарактеризована как «*вкраины*» [66, № 318, р. 208].

2. Белецкий С.В. Признавал ли Василий Московский вассальную зависимость от Литвы? // *Согласие. Издание Литовского движения за Перестройку*. 1990. 29 января – 4 февраля. № 5 (27). С. 13.
3. Беспалов Р.А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // *Верхнее Подонье: Археология. История*. Вып. 4. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 205–210.
4. Горский А.А. Завещания Василия I Дмитриевича: проблемы последовательности и датировки // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. № 1 (67). С. 20–34.
5. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 212, [2] с.
6. Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М.: Индрик, 2010. 174 с.
7. Греков И.Б. К вопросу о датировке так называемой «второй духовной грамоты» московского князя Василия I // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова*. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 141–145.
8. Громов М.Н. Время и его восприятие в Древней Руси // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2009. № 2 (36). С. 7–17.
9. Гулевич В.П. Крым и «императоры Солхата» в 1400–1430 гг.: хронология правления и статус правителей // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 4 (6). С. 166–197.
10. Гулевич В.П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2018. 491 с.
11. Гулевич В.П., Хаутала Р. Малоизвестный источник о посольстве Сигизмунда Люксембургского в Каффу 1412 г. // *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т. 6, № 1. С. 199–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.199-211
12. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 586 с., 2 л. табл.
13. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). М.: Рудомино, 2004. 215, [1] с.
14. Иванов Д.И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // *Средневековая Русь*. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 79–115.
15. Итинерарий С. Герберштейна // *Герберштейн С. Записки о Московии*. Т. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 509–511.
16. Кудрявцев О.Ф. Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое западное описание Руси // *Родина*. 2003. № 12. С. 76–79.
17. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2008. № 2 (32). С. 129–132.
18. Кучкин В.А. Итоги реставрации духовных грамот Ивана Калиты // *Отечественная история*. 1992. № 6. С. 62–70.
19. Кучкин В.А. Подделки действительные или мнимые? // *Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средневековье*. Нижний Новгород: Кварц, 2011. С. 215–226.
20. Кучкин В.А. Три завещания Василия I // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. № 2 (64). С. 33–54.
21. Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. О датировке завещаний Василия I // *Мазуров А. Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв.* Коломна: Инлайт, 2008. С. 232–239.
22. Полевых С.В. Браки князя Свидригайла Ольгердовича // *По любви, въ правду, безо всякие хитрости. Сборник статей*. М.: Индрик, 2014. С. 235–268.

23. Полехов С.В. Последнее завещание Василия I и политическая ситуация в Восточной Европе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 97–98.
24. Полехов С.В. Последние завещания Василия I и печати Витовта // Средневековая Русь. Вып. 12. М.: Индрик, 2016. С. 183–200.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб.: В типографии Э. Праца, 1851. VI, 283 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. XII с., 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб., 35 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 18. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. [III], 316 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Пг.: 2-я Государственная типография, 1921. 272 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 470 с.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 415 с.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 27. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 418 с.
32. Полное собрание русских летописей. Т. 28. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 411 с., 4 л. факс.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 35. М.: Наука, 1980. 235 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 227 с., 3 л. ил.
35. Полное собрание русских летописей. Т. 39. М.: Наука, 1994. 204, [1] с.
36. Пономарёв А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
37. Пономарёва И.Г. К хронологии завещаний московского великого князя Василия Дмитриевича // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю. Г. Алексева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 103–110.
38. Пономарёва И.Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // Средневековая Русь. Вып. 9. М.: Индрик, 2011. С. 167–196.
39. Пономарёва И.Г. О ярлыке хана Улуг Мухаммада на великое княжение Московское Василию II // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 583–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.583-592.
40. Пресняков А.Е. Образование Великоордынского государства. М.: Территория, 1998. 496 с.
41. Псковские летописи / Подг. А. Н. Насонов. Вып. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 366 с.
42. Рева Р.Ю. Борьба за власть в первой половине XV века // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 704–729.
43. Рева Р.Ю. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. № 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 80–104.
44. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 275 с.
45. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Типография Академии наук, 1884. 564 с.
46. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 308 с.
47. Соболевский А.И. Материалы и заметки по древнерусской литературе. VI–XIII // Известия Отделения русского языка и словесности. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1915. Т. XX. Кн. 1. С. 261–290.

48. Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С. 148–269.
49. Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 53–61.
50. Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию акад. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 2001. С. 172–196.
51. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 472 с.
52. Чеченков П.В. Борьба за восстановление суверенитета Нижегородского княжества (конец XIV – первая половина XV века) // Восемь столетий нижегородской истории: в 2 т. Т. 1: XII–XIX века / Отв. ред. П. В. Чеченков. 2-е изд., доп. Нижний Новгород: Научно-издательский центр НГТУ, 2021. С. 97–125.
53. Чеченков П. В. Механизмы и этапы поглощения Нижегородского княжества // Нижегородский историко-филологический сборник. (В печати.)
54. Чеченков П.В. Пути московской политики в Нижегородском княжестве (первая половина XV в.) // Государство и общество в России XV – начала XX века: сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб.: Наука, 2007. С. 94–105.
55. Чеченков П.В. Суздальские Рюриковичи и правители Золотой Орды в первой четверти XV в. // Минусинские чтения: труды научной конференции, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2007. С. 339–354.
56. Biskup M. Wojny Polski z Zakonem Krzyżackim, 1308–1521. Oświęcim, 2017. 412 p.
57. Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430 / Ed. A. Prochaska. (Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6.) Cracoviae: Sumptibus Academiae Literarum Cracoviensis, Typis Vlad. L. Anczyc et Comp., 1882. CXVI, 1113 p.
58. Długossii J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber XI (1413–1430). Varsaviae: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. 464 p.
59. Ekdahl S. Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen im Jahre 1422 // Zeitschrift für Ostforschung. 1964. Bd. 13. H. 4. S. 614–651.
60. Ekdahl S. Moscow troops in the wars of Poland and Lithuania with the Teutonic Order in Prussia in 1414 and 1422: Two timeline questions // Quaestiones Mediae Aevi Novae. 2020. Vol. 25. P. 181–192.
61. Gaşiorowski A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434. Wyd. 2, poprawione i uzupełnione. (Itineraria Jagiellonów. T. 2.) Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2015. 172 p.
62. Itinerar König und Kaiser Sigismunds von Luxemburg, 1368–1437 / Hg. von J. K. Hoensch. (Studien zu den Luxemburgern und ihrer Zeit. Bd. 6.) Warendorf: Fahlbusch Verlag, 1995. 172 p.
63. Itineraria regum et reginarum Hungariae (1382–1438) / Ed. P. Engel, N. C. Tóth. Budapestini, 2005. 188 p.
64. Kodeks dyplomatyczny Litwy / Wyd. E. Raczyński. Wrocław: Sumptibus Sigismundi Schletter, 1845. 391 p.
65. Liber cancellariae Stanislai Ciołek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der husitischen Bewegung / Hg. von J. Caro. Bd. 1. Wien: In Commission bei Karl Gerold's Sohn, 1871. 228 p.
66. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Par. A. Baliulis. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. 516 p.

67. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 5 / Hg. von F.G. von Bunge. Riga: Im Verlage von Nikolai Kymmell, 1867. 80, 1072 p.

68. Neitmann K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230–1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen Territorialstaates. (Neue Forschungen zur Brandenburg-Preussischen Geschichte. Bd. 6.) Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1986. XIV, 692 p.

69. Neitmann K. Zur Revindikationspolitik des Deutschen Ordens nach Tannenberg. Die Auseinandersetzung zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen um die Ratifizierung des Friedensvertrages vom Melno-See 1422/23 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1983. Bd. 31. P. 50–80.

70. Petrauskas R. Gediminaičiai, Algirdaičiai, Jogailaičiai – stirps regia Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje // Lietuva–Lenkija–Švedija: Europos dinastinės jungtys ir istoriniai-kultūriniai ryšiai. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2014. P. 22–34.

71. Polechow S. Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430 // Rocznik Lituaniistyczny. T. 5. Rok 2019. Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2019. P. 9–120. DOI: 10.12775/RL.2019.5.01.

72. Rimša E. Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto antspaudai ir žemių heraldika. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2016. 191, [1] p.

73. Rimša E. Pieczęcie miast Wielkiego Księstwa Litewskiego. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. 1259 p.

74. Scriptores rerum Silesiacarum. Bd. 6: Geschichtsquellen der Hussitenkriege / Hg. von C. Grünhagen. Breslau: Josef Max & Comp., 1871. X, 192 p.

Сведения об авторе: Сергей Владимирович Полехов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, пр. Вернадского, 82, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7866-7663. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Поступила 20.09.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Beletskii V.D., Beletskii S.V. The „Archive” of Official Seals Excavated in the Dovmont Town, Pskov. St. Petersburg: The State Hermitage Museum, 2022. 468, [1] p. (In Russian)

2. Beletskii S.V. Did Vasily of Moscow recognize his vassal dependence on Lithuania? *Consent. The newspaper of the Lithuanian movement for Perestroika*, 1990, 29 January – 4 February, no. 5 (27), p. 13. (In Russian)

3. Bepalov R.A. The battle of the Upper Oka lands feudals with khan Kuidadat in the autumn of 1424. *Upper Don territory. Archaeology. History*. Iss. 4. Tula: State Museum-Reserve “Kulikovo pole”, 2009, pp. 205–210. (In Russian)

4. Gorskii A.A. The Testaments of Vasily I Dmitrievich: Order and Dating. *Old Rus’: problems of medievistics*, 2017, no. 1 (67), pp. 20–34. (In Russian)

5. Gorskii A.A. Moscow and the Horde. Moscow: Nauka, 2003. 212, [2] p. (In Russian)

6. Gorskii A.A. *From Lands to Grand Principalities: “Primysly” of Russian princes in the second half of the XIII – XV centuries*. Moscow: Indrik, 2010. 174 p. (In Russian)

7. Grekov I.B. On the dating of the so-called “second testament” of prince Vasily I of Moscow. *Problems of sociopolitical history of Russia and Slavic countries. Collected articles to the 70th anniversary of academician M.N. Tikhomirov*. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1963, pp. 141–145. (In Russian)
8. Gromov M.N. The Time and its Perception in Old Rus'. *Old Rus': problems of medievalistics*, 2009, no. 2 (36), pp. 7–17. (In Russian)
9. Gulevich V.P. Crimea and the “Emperors of Solkhat” in 1400–1430: A Chronology of the Reign and the Status of the Rulers. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2014, no. 4 (6), pp. 166–197. (In Russian)
10. Gulevich V.P. *From the Horde's Ulus to the Girays' Khanate: Crimea in 1399–1502*. Kazan: Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2018. 491 p. (In Russian)
11. Gulevich V.P., Hautala R. A Little-known Source on the Embassy of Sigismund of Luxemburg to Caffa in 1412. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 199–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.199-211 (In Russian)
12. Testaments and treaties of grand and apanage princes from the 14th to the 16th century. Ed. L.V. Cherepnin. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 586, [2] p. (In Russian)
13. Zaitsev I.V. Between Moscow and Istanbul. The Jochid States, Moscow and the Ottoman Empire from the early 15th to the first half of the 16th century. Moscow: Rudomino, 2004. 215, [1] p. (In Russian)
14. Ivanov D.I. The relations between Moscow and Lithuania in the 1420s. *Medieval Rus'*, Iss. 2. Moscow: Editorial URSS, 1999, pp. 79–115. (In Russian)
15. Sigismund von Herberstein's itineraries. *Gerbershtein S. Notes about Muscovy*, vol. 2. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2008, pp. 509–511. (In Russian)
16. Kudryavtsev O. F. Great Rus' of knight de Lannoy. The first Western description of Rus'. *Rodina=Homeland*, 2003, no. 12, pp. 76–79. (In Russian)
17. Kuchkin V.A. Publication of the testaments of the Moscow princes of the 14th century. The second testament of grand prince Ivan Danilovich Kalita. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievalistiki = Old Russia. The questions of middle ages*, 2008, no. 2 (32), pp. 129–132. (In Russian)
18. Kuchkin V.A. The results of the restoration of Ivan Kalita's testaments. *Otechestvennaya istoriya =Native History*, 1992, no. 6, pp. 62–70. (In Russian)
19. Kuchkin V.A. Real or alleged forgeries? Kuchkin V.A. *The country between Volga and Oka and Nizhny Novgorod in the Middle Ages*. Nizhnii Novgorod: Kvarts, 2011, pp. 215–226. (In Russian)
20. Kuchkin V.A. Three testaments of Vasily I. *Old Rus': problems of medievalistics*, 2016, no. 2 (64), pp. 33–54. (In Russian)
21. Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. On the dating of the testaments of Vasily I. Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. *A Russian apanage in the age of the united state formation. The Principality of Serpukhov from mid-14th to the first half of the 15th century*. Kolomna: Inlait, 2008, pp. 232–239. (In Russian)
22. Polekhov S.V. Prince Švitrigaila Algirdaitis' marriages. „Po lyubvi, v" pravdu, bezo vsyakiie khitrosti”. *Collected articles*. Moscow: Indrik, 2014, pp. 235–268. (In Russian)
23. Polekhov S.V. The last testament of Vasily I and political situation in East Europe. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievalistiki =Old Russia. The questions of middle ages*, 2015, no. 3 (61), pp. 97–98. (In Russian)
24. Polekhov S.V. The last testaments of Casily I and Vytautas' seals. *Medieval Rus'*, Iss. 12. Moscow: Indrik, 2016, pp. 183–200. (In Russian)
25. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 5. St. Petersburg: V tipografii E. Pratsa, 1851. VI, 283 p. (In Russian)

26. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 15. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. XII p., 186 col., 29 p.; V p., 504 col., 35 p. (In Russian)
27. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 18. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1913. [III], 316 p. (In Russian)
28. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 24. Petrograd: 2-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1921. 272 p. (In Russian)
29. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 25. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1949. 470 p. (In Russian)
30. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 26. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 415 p. (In Russian)
31. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 27. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 418 p. (In Russian)
32. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 28. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 411, 4 p. (In Russian)
33. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 35. Moscow: Nauka, 1980. 235 p. (In Russian)
34. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 37. Leningrad: Nauka, 1982. 227, 3 p. (In Russian)
35. Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 39. Moscow: Nauka, 1994. 204, [1] p. (In Russian)
36. Ponomarev A.L. The Early Khans of Crimea: the Chronology of the Turmoil in the Accounts of the Genoese Treasury of Caffa, 1420s. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)
37. Ponomareva I.G. On the chronology of the testaments of grand prince Vasily Dmitrievich of Moscow. *The Russian Middle Ages. Collected articles in honor of professor Yury G. Alekseev*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2012, pp. 103–110. (In Russian)
38. Ponomareva I. G. Who ruled the Grand Principality of Moscow in 1425–1432? *Medieval Rus'*. Iss. 9. Moscow: Indrik, 2011, pp. 167–196. (In Russian)
39. Ponomareva I.G. About the Yarliq of Ulugh Muhammad Khan Approving the Rule of Grand Prince Vasily II. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 583–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.583-592 (In Russian)
40. Presnyakov A.E. The formation of the Great Russian State. Moscow: Territoriya, 1998. 496 p. (In Russian)
41. The Chronicles of Pskov, Iss. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 366 p. (In Russian)
42. Reva R.Yu. The struggle for power in the first half of the 15th century. *The Golden Horde in the World history*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 704–729. (In Russian)
43. Reva R. Yu. Muhammad-Barak and his time. A review of coins and written sources. *Numismatics of the Golden Horde*, no. 5. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 80–104. (In Russian)
44. Safargaliev M.G. The disintegration of the Golden Horde. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 275 p. (In Russian)
45. The Collection of materials relating to the history of the Golden Horde, vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk, 1884. 564 p. (In Russian)
46. The Collection of materials relating to the history of the Golden Horde, vol. 2. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 308 p. (In Russian)
47. Sobolevskii A.I. Materials and notes on the Old Russian literature. VI–XIII. *News of the Section of the Russian Language and Literature*. Petrograd: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1915. Vol. XX. Kn. 1, pp. 261–290. (In Russian)
48. Stefanovich P.S. The prince and the boyars: the oath of fidelity and the right to leave. Gorskii A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P. S. *Old Rus': essays on political and social composition*. Moscow: Indrik, 2008, pp. 148–269. (In Russian)

49. Sultanov T.I. The letter of khan Ulug Muhammad of the Golden Horde to sultan Murad II of Turkey. *Turcological collection*, 1973. Moscow: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1975, pp. 53–61. (In Russian)
50. Florya B.N. The Horde and the states of East Europe in the mid-15th century (1430–1460). *The Slavs and the nomadic world. To the 75th anniversary of academician Gennady G. Litavrin*. Moscow: Nauka, 2001, pp. 172–196. (In Russian)
51. Cherepnin L.V. The Russian feudal archives of the 14th – 15th centuries, part 1. Moscow -Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1948. 472 p. (In Russian)
52. Chechenkov P.V. The struggle for the restoration of the sovereignty of the Principality of Nizhny Novgorod (from the late 14th to the first half of the 15th century). *Eight centuries of the history of Nizhny Novgorod*, vol. 1: 12th – 19th centuries. 2nd ed. Nizhnii Novgorod: Nauchno-izdatel'skii tsentr NGTU, 2021, pp. 97–125. (In Russian)
53. Chechenkov P.V. Mechanisms and stages of absorption of the Nizhny Novgorod principality. *Nizhny Novgorod historical and philological collection* (In print.) (In Russian)
54. Chechenkov P.V. The paths of Moscow politics in the Nizhny Novgorod principality (the first half of the 15th century). *State and society in Russia in the 15th – early 20th centuries: a collection of articles in memory of Nikolai Evgenievich Nosov*. St. Petersburg: Nauka, 2007, pp. 94–105. (In Russian)
55. Chechenkov P.V. Suzdal Rurikovich and the rulers of the Golden Horde in the first quarter of the 15th century. *Minin readings: proceedings of a scientific conference, N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (October 20–21, 2006)*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publ., 2007, pp. 339–354. (In Russian)
56. Biskup M. The wars of Poland with the Teutonic Order, 1308–1521. Oświęcim, 2017, 412 p. (In Polish)
57. Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430, ed. A. Prochaska. Cracoviae: Sumptibus Academiae Literarum Cracoviensis, Typis Vlad. L. Anczyc et Comp., 1882. CXVI, 1113 p. (In Latin, German and Polish)
58. Długossii J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber XI (1413–1430). Varsaviae: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. 464 p. (In Latin)
59. Ekdahl S. Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen im Jahre 1422 [The war between the Teutonic Order and Poland-Lithuania in 1422]. *Zeitschrift für Ostforschung*, 1964, Bd. 13, H. 4, pp. 614–651. (In German)
60. Ekdahl S. Moscow troops in the wars of Poland and Lithuania with the Teutonic Order in Prussia in 1414 and 1422: Two timeline questions. *Quaestiones Mediaevali Novae*, 2020, vol. 25, pp. 181–192.
61. Gąsiorowski A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434 [The itinerary of king Władysław Jagiełło 1386–1434]. 2nd ed. Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2015. 172 p. (In Polish)
62. Itinerar König und Kaiser Sigismunds von Luxemburg, 1368–1437 [The itinerary of king and emperor Sigismund of Luxemburg, 1368–1437], ed. by J.K. Hoensch. Warendorf: Fahlbuch Verlag, 1995. 172 p. (In German)
63. Itineraria regum et reginarum Hungariae (1382–1438), ed. by P. Engel, N.C. Tóth. Budapestini, 2005. 188 p. (In Latin and Hungarian)
64. Kodeks dyplomatyczny Litwy [The diplomatic codex of Lithuania], ed. by E. Raczyński. Wrocław: Sumptibus Sigismundi Schletter, 1845. 391 p. (In Latin and German)
65. Liber cancellariae Stanislai Ciołek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der husitischen Bewegung [Liber cancellariae Stanislai Ciołek. A formulae book of the Polish royal chancery from the age of the Hussite movement], ed. by J. Caro, vol. 1. Wien: In Commission bei Karl Gerold's Sohn, 1871. 228 p.
66. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 [Lithuanian Metrica. Book No. 6 (1494–1506). Book of Inscriptions 6], ed. by A. Baliulis. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. 516 p. (In Ruthenian and Lithuanian)

67. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten, vol. 5, ed. by F.G. von Bunge. Riga: Im Verlage von Nikolai Kymmell, 1867. 80, 1072 p. (In German and Latin)

68. Neitmann K. Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen 1230–1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen Territorialstaates [The state treaties of the Teutonic Order in Prussia, 1230–1449. Studies on the diplomacy of a late medieval territorial state]. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1986. XIV, 692 p. (In German)

69. Neitmann K. Zur Revindikationspolitik des Deutschen Ordens nach Tannenberg. Die Auseinandersetzung zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen um die Ratifizierung des Friedensvertrages vom Melno-See 1422/23 [To the revisionist policy of the Teutonic Order after Tannenberg/Grunwald. The conflict between the Teutonic Order and Poland-Lithuania about the ratification of the peace treaty of lake Miełno in 1422/23]. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1983, vol. 31, pp. 50–80. (In German)

70. Petrauskas R. Gediminaičiai, Algirdaičiai, Jogailaičiai – stirps regia Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje [Gediminidas, Algirdids, Jagiellonians – stirps regia in the Grand Duchy of Lithuania]. Lietuva–Lenkija–Švedija: Europos dinastinės jungtys ir istoriniai-kultūriniai ryšiai [Lithuania – Poland – Sweden: European dynastic connections and historical and cultural ties]. Vilnius: Nacionalinis muziejus Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valdovų rūmai, 2014, pp. 22–34. (In Lithuanian)

71. Polechow S. Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430 [The itinerary of grand duke Vytautas of Lithuania: 4/5 August 1392 – 27 October 1430]. Rocznik Lituanistyczny [The yearbook for Lithuanian studies], vol. 5 (2019). Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2019, pp. 9–120. DOI: 10.12775/RL.2019.5.01 (In Polish)

72. Rimša E. Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto antspaudai ir žemių heraldika [The seals and territorial heraldry of grand duke Vytautas of Lithuania]. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2016. 191, [1] p. (In Lithuanian)

73. Rimša E. Pieczęcie miast Wielkiego Księstwa Litewskiego [The seals of the cities and towns of the Grand Duchy of Lithuania]. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. 1259 p. (In Polish)

74. Scriptorum rerum Silesiacarum, vol. 6: Geschichtsquellen der Hussitenkriege [The historical sources on the Hussite wars]. Breslau: Josef Max & Comp., 1871. X, 192 p. (In German)

About the author: Sergey V. Polekhov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow at the School of Advanced Studies in the Humanities of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskiy Avenue, Moscow 119606, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7866-7663. E-mail: sergey.polekhov@gmail.com

Received September 20, 2023

Accepted for publication December 1, 2023

Published December 29, 2023